

ГЕДЕОНЪ ОДОРСКІЙ

(бывшій ректоръ Кіевской Академіи въ началѣ XVIII стол.).

I.

Біографическія свѣдѣнія о Гедѣонѣ Одорскомъ до 1690 года. Прибытіе его въ Кіевъ съ цѣлію получить посвященіе на мстиславскую епископію. Допросы ему кіевскихъ властей. Подозрительное отношеніе къ Одорскому со стороны кіевского митрополита. Отсылка его въ кіево-печерскую лавру подъ строгій надзоръ до указа великихъ государей. Челобитная Одорскаго на имя государей. Отреченіе отъ уніи.—Подметное письмо о гетманѣ Мазепѣ, какъ врагѣ православія и государственномъ измѣнникѣ. Павшее на Одорскаго подозрѣніе въ составленіи этого письма. Несостоятельность этого подозрѣнія, по мнѣнію Мазепы. Резолюція московскаго правительства объ отпускѣ Одорскаго въ Литву. Рѣшеніе послѣдняго остаться на жительствѣ въ Малороссіи и челобитная объ этомъ на имя государей.—Смерть отца Одорскаго и хлопоты о полученіи оставшагося послѣ него имущества. Челобитная о дозволеніи пріѣхать въ Москву. Затянувшееся пребываніе здѣсь. Данныя для характеристики московскаго періода жизни Одорскаго. Недовѣріе къ Одорскому со стороны представителей московскаго духовенства, какъ къ бывшему уніату. Челобитная Одорскаго государю объ отпускѣ въ Малороссію. Возвращеніе въ Кіевъ.

О Гедѣонѣ Одорскомъ, бывшемъ, въ началѣ XVIII стол., ректорѣ Кіевской Академіи, въ нашей церковно-исторической литературѣ сообщаются свѣдѣнія *самыя скудныя*.

Обыкновенно указывается, и то приблизительно, время его ректуры въ Кіевѣ, отмѣчаются два-три неважные документа, имѣющіе отношеніе къ исторіи Академіи за то же время, затѣмъ упоминается о назначеніи его настоятелемъ (архимандритомъ) батуринскаго крушицакаго монастыря,—и только. Словомъ, всѣ свѣдѣнія объ Одорскомъ умѣщаются въ трехъ-четырехъ строкахъ.

Въ настоящей статьѣ мы имѣемъ въ виду восполнить, хотя отчасти, эту скудость біографическихъ свѣдѣній объ означенномъ лицѣ на основаніи рукописныхъ данныхъ, хранящихся въ разныхъ, преимущественно московскихъ архивахъ и бібліотекахъ.

Гедeonъ Одорскій впервые появляется въ Кіевѣ 1-го марта 1690 года. Онъ прибылъ сюда съ цѣлію получить посвященіе на метиславскую епископію отъ кіевского митрополита ¹⁾). Нѣкоторые біографическія свѣдѣнія о немъ до этого времени находятся въ прошеніи самаго Одорскаго, поданномъ на имя государей Іоанна и Петра Алексѣевичей ²⁾). „Я, великіе государи,—заявлялъ въ прошеніи Одорскій,—рожденъ и съ дѣтства воспитанъ въ православной вѣрѣ каоолической восточнаго исповѣданія, подѣ благословеніемъ и послушаніемъ константинопольскаго и прочихъ восточныхъ патріарховъ; но когда обучался въ латинскихъ училищахъ, то, желая пройти высшіе курсы наукъ—философскіе и богословскіе,—вынужденъ былъ пристать къ уніатамъ. Окончивъ означенные курсы, я воспріялъ иноческій чинъ и степень священства тоже отъ уніатовъ, и въ этомъ исповѣданіи пребывалъ доселѣ въ теченіе *шестнадцати лѣтъ*, „труждаясь и служа во всемъ по повелѣнію старшихъ уніатскихъ Великаго Княжества Литовскаго и Бѣлой Руси“. Желая поощрить меня въ семъ служеніи, одинъ изъ уніатскихъ архіереевъ Митрофанъ Друцкій Соколинскій уступилъ мнѣ свою онуфріевскую

архимандрію ³⁾ и совѣтывалъ получить на нее привилегію отъ его королевской милости (польскаго короля). Слѣдуя сему совѣту, я отправился къ его королевской милости съ означенною цѣлію; но прежде чѣмъ выдана была мнѣ привилегія на архимандрію, скончался упомянутый архіерей Друцкій Соколинскій. Свѣдѣніе о сей кончинѣ дошло до короля и онъ, зная меня по Ольмюнку, когда я въ тамошней коллегіи заканчивалъ теологію (было это во время его похода съ войскомъ подъ Вѣну) ⁴⁾, самолично пожаловалъ меня: приказалъ выдать привилегію на православную бѣлорусскую епископію, ставшую вакантною послѣ смерти блаженнаго памяти отца Оеодосія Васильевича, епископа мстиславскаго, оршанскаго и могилевскаго, причемъ я далъ обѣщаніе *истинно возвратиться къ церкви святой православной*. Посвященіе въ санъ епископа его королевская милость повелѣлъ мнѣ воспріять отъ преосвященнаго Досифея, митрополита сочавскаго, пребывающаго нынѣ, по королевскому указу, въ городѣ Стрыѣ съ мощами св. Іоанна сочавскаго, и отъ тамошнихъ (т. е. находящихся въ польскихъ владѣніяхъ) епископовъ— львовскаго Іосифа Шумлянскаго и перемышльскаго Иннокентія Винницкаго; но нѣкоторые изъ православныхъ бѣлорусскихъ дворянъ („шляхты“), узнавъ объ этомъ, увѣщевали меня, говоря: если хочешь быть нашимъ православнымъ бѣлорусскимъ епископомъ, то невозможно тебѣ посвящаться въ Польшѣ отъ тѣхъ лицъ, которыя у насъ въ подозрѣніи („въ зазорѣ“) относительно ихъ склонности къ уніи съ костеломъ римскимъ, но слѣдуетъ тебѣ принять епископское посвященіе отъ нашего православнаго митрополита, живущаго въ Кіевѣ, потому что „изначала“ наша бѣлорусская епархія не иному какому подлежить вѣдѣнію („присуду“), какъ только преосвященному митрополиту кіевскому и всея Россіи, находящемуся подъ послушаніемъ и благословеніемъ константинопольскихъ и прочихъ греческаго восточнаго православія патріарховъ.— Услышавъ такія рѣчи, я заявилъ его королевской милости,

что мнѣ нельзя посвящаться у указанныхъ имъ епископовъ, а слѣдуетъ въ Кіевѣ, потому что и въ договорныхъ статьяхъ вѣчнаго мира польскаго королевства съ московскимъ государствомъ постановлено, дабы кіевскій митрополитъ свою митрополитанскую власть невозбранно простираетъ во владѣніяхъ его королевской милости и православные жители Короны польской и великаго княжества литовскаго, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, тоже невозбранно пріѣзжали въ Кіевъ для удовлетворенія своихъ религіозныхъ нуждъ⁵⁾.—Его королевская милость изъявилъ на сіе согласіе и приказалъ выдать мнѣ привилегіи—сначала на епископію бѣлорусскую, а потомъ на архимандрію онуфріевскую. Съ этими привилегіями я возвратился на Бѣлую Русь и прибылъ въ Могилевъ. Затѣмъ приспѣло время избранія на епископію; но это избраніе оказалось не твердымъ („стало не крѣпко“), такъ какъ на него *никто не прибылъ изъ православной бѣлорусской шляхты и Великаго княжества литовскаго*. Тогда я по существующему въ литовскомъ княжествѣ праву и обычаю, подалъ полученныя мною привилегіи для занесенія ихъ въ книги канцеляріи речичкой, а самъ прямо отправился въ Кіевъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы, какъ возвращающійся къ отеческой и прародительской вѣрѣ православной и кающійся о шестнадцатилѣтнемъ пребываніи въ уніатской апостасіи, опять, милостію человеколюбца Бога, не хотящаго смерти грѣшникамъ, и чадолюбіемъ премилостиваго отца, архипастыря и благодѣтеля моего ясне преосвященнаго въ Бозѣ куръ Гедео́на Святополка Четвертинскаго, Божіею милостію православнаго митрополита кіевскаго и галицкаго и всея Россіи,—былъ принятъ въ церковь православную и причтенъ къ правовѣрному стаду овецъ Христовыхъ, неоцѣненною кровію искупленныхъ“...

Изъ другихъ источниковъ, тоже исходящихъ болѣею частію отъ самаго Одорскаго, узнаемъ, что онъ происходилъ изъ дворянской фамиліи, обитавшей въ Литвѣ и имѣвшей

родовыя помѣстья въ витебскомъ воеводствѣ, пограничномъ въ то время съ московскимъ государствомъ. Его предки погребаемы были, какъ благотворители („вкладчики“), при церквахъ виленской Свято-Духовой и минской Петро-Павловской. Отецъ Гедео́на Дани́ль Довмонтъ Одорскій сначала служилъ на родинѣ, занимая должность стольника и городничаго донемборскаго, но затѣмъ (въ концѣ 1687-го или началѣ 1688 г.г.) переѣхалъ на жительство въ Кіевъ и, принявъ здѣсь русское подданство, поступилъ на службу къ московскимъ государямъ. Причиною, побудившею его оставить родину, были—по словамъ Гедео́на—гоненія, воздвигнутыя на него отъ латино-уніатовъ за то, что онъ „на сеймахъ сильно ратовалъ за интересы православія и не позволялъ въ своихъ родовыхъ помѣстьяхъ отбирать православныя церкви на унію“. Дани́ль Одорскій былъ человѣкъ многосемейный (кроме Гедео́на упоминаются еще сынъ и четыре дочери), но состоятельный ⁶⁾.

Въ своемъ прошеніи государямъ Гедео́нъ Одорскій—какъ мы видѣли—заявлялъ, что онъ, отправляясь для посвященія на мстиславскую епископію въ Кіевъ, имѣлъ твердое намѣреніе отречься отъ „апостасіи уніатской“ и вновь присоединиться къ православной церкви; но заявленіе это сдѣлано имъ *не тотчасъ* по пріѣздѣ въ Кіевъ, а спустя нѣкоторое время послѣ сего, когда дѣла его приняли здѣсь крайне неблагопріятное теченіе и когда онъ дѣйствительно рѣшился порвать связи съ уніею. На первыхъ же порахъ—какъ даютъ твердое основаніе палатать данныя—Одорскій *хотѣлъ скрыть свою принадлежность къ унії*, надѣясь, что подъ маскою православнаго онъ, какъ человѣкъ образованный, ловкій въ житейскихъ отношеніяхъ и притомъ нескудный матеріальными средствами, не встрѣтитъ уже серьезныхъ препятствій къ достиженію своей цѣли. Посвященіе же именно отъ кіевского митрополита (а не отъ кого либо иного) для Одорскаго важно было, независимо отъ исполненія чрезъ сіе дого-

ворныхъ статей между Польшею и московскимъ государствомъ, какъ средство облегчить, *до извѣстной степени*, тѣ затрудненія, которыя предвидѣлись имъ при вступленіи (послѣ посвященія) на каюдру: онъ хотѣлъ провести свой корабль между Сциллою и Харибтою.

Но замысламъ Одорскаго не суждено было осуществиться. Дѣла его тотчасъ же по пріѣздѣ въ Кіевъ приняли не то направленіе, на какое онъ рассчитывалъ. Одорскій, очевидно, мало было освѣдомленъ о тѣхъ порядкахъ, какіе практиковались въ Кіевѣ (и вообще Малороссіи) относительно лицъ, пріѣзжавшихъ сюда изъ „зарубежа“ (изъ-заграницы). Порядки же эти были здѣсь очень строгіе.

Незадолго до пріѣзда Гедеона въ Кіевъ здѣшними властями получено было отъ имени московскихъ государей новое (болѣе строгое, чѣмъ прежнія) предписаніе относительно пріѣзжающихъ въ малороссійскія города „иноземцевъ“. Ихъ велѣно было обстоятельно разспрашивать о цѣли ихъ пріѣзда въ Малороссію, отбирать отъ нихъ удостовѣряющіе личность документы и затѣмъ, учинивъ надъ сими лицами бдительный надзоръ, не отпускать ихъ до полученія изъ Москвы (куда, не медля должны быть отсылаемы „распросныя рѣчи“ съ приложеніемъ указанныхъ докуменговъ) отвѣта:—„указа великихъ государен“ о томъ, какъ поступать съ тѣми или иными пріѣзжими „иноземцами“ 7).

Въ силу означеннаго предписанія, капитанъ московскихъ стрѣльцевъ Верховскій, которому поручена была охрана „печерскаго мѣстечка“, препроводилъ (1-го марта 1690 г.) Гедеона Одорскаго, какъ прибывшаго въ районъ его охраны, „въ кіевскую приказную избу“, гдѣ онъ „предъ бояриномъ и воеводами“, предъ княземъ Михаиломъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ съ товарищами“ и былъ разспрашиваемъ. „При распросѣ“ Одорскій назвалъ себя *номиналомъ* 8) мстиславской епископіи и настоятелемъ онуфріевского монастыря, прибывшимъ изъ Литвы въ Кіевъ „по указу королевскаго

величества польскаго и *по челобитью мстиславской и бѣлорусской шляхты*“ для посвященія въ санъ епископа отъ кievскаго митрополита. Отвѣтивъ на другіе вопросы, предложенные ему кievскими властями, Одорскій о своемъ совращеніи въ унію и желаніи вновь присоединиться къ православію, не обмолвился *ни единымъ словомъ*. Въ удостовѣреніе же своей личности и правъ на мстиславскую епископію Одорскій представилъ королевскія привилегіи, выданныя ему на означенную епископію и опуфріевскую архимандрію¹⁰⁾, и брошюру—напегирическую рѣчь, произнесенную имъ предъ „наияснѣйшимъ королемъ польскимъ“ и *напечатанную въ Злочевѣ, 31 октября 1689 года* (библіографамъ *неизвѣстна*)¹¹⁾. Рѣчь, на ряду съ означенными документами, представлена была Одорскимъ, очевидно, потому, что въ ней онъ—какъ авторъ—называется „*номинатомъ епископства бѣлорусскаго*“. *Всѣ эти „рукописные и печатные листы“ отобраны были отъ Гедео́на для представленія ихъ вмѣстѣ „съ распросными рѣчами“ въ Москву, а самъ онъ препровожденъ былъ въ кievо-печерскую лавру подъ надзоръ тамошняго архимандрита (Варлаама Исинскаго) до полученія отвѣта по его дѣлу изъ Москвы.

Допросъ Одорскаго происходитъ—какъ мы сказали—1-го марта, и вотъ на другой же день кievскій митрополитъ (Гедео́нъ Святополкъ Четвертинскій), освѣдомленный объ этомъ, прислалъ кievскому воеводѣ, полученное имъ отъ случкаго архимандрита Серапіона Полховскаго, письмо съ извѣстіемъ о состоявшемся 12 января (1690 г.) избраніи кандидатовъ на мстиславскую епископію¹²⁾. Изъ письма видно, что кандидатовъ избрано было четыре, въ томъ числѣ и самъ Полховскій¹³⁾. Остальные кандидаты не указаны (письмо, вообще, очень краткое; подробныя свѣдѣнія имѣли сообщить митрополиту лица, посланныя къ нему отъ Полховскаго); но, очевидно, между ними не могъ быть (и дѣйствительно, *не былъ*), Гедео́нъ Одорскій, какъ принадлежавшій къ лагерю

уніатскому, о чемъ, безъ сомнѣнія, православной бѣлорусской шляхтѣ хорошо было извѣстно.

Нужно замѣтить, что „дѣла“, откуда заимствуются нами свѣдѣнія о прїѣздѣ Одорскаго въ Кіевъ, сохранились далеко не въ полномъ видѣ: многого въ нихъ не достаетъ. Не имѣется, между прочимъ, прямыхъ свѣдѣній и о томъ, съ какою цѣлю митрополитъ представилъ воеводѣ означенное письмо Полховскаго, въ которомъ ни слова не говорится объ Одорскомъ. Но цѣль эта и безъ того очевидна. Письмо Полховскаго свидѣтельствовало о томъ, что Одорскій *не былъ избранникомъ папства*, а это являлось въ то время необходимымъ условіемъ для лицъ, ищущихъ высшихъ духовныхъ должностей, и послѣ чего только и могла имѣть значеніе королевская привилегія, утверждающая того или иного *изъ избранныхъ кандидатовъ*. Такимъ образомъ, на основаніи уже этого, Одорскій являлся въ глазахъ митрополига чело-вѣкомъ (какъ было и на самомъ дѣлѣ) окольными, незаконными путями стремившимся получить епископскій санъ. Но у митрополита, при его довольно частыхъ сношеніяхъ съ зарубежными православными ¹⁴⁾, притомъ сношеніяхъ, за послѣднее время касавшихся вопроса о замѣщеніи мстиславской епископіи, могли быть надлежащіе свѣдѣнія и о самой личности Одорскаго, т. е. ему могла быть извѣстна его принадлежность къ уніи и, такимъ образомъ, полная его неправо-способность къ занятію означенной кафедрой. Наконецъ, обра-щено было вниманіе—можетъ быть, тоже митрополитомъ—на самую привилегію, выданную Одорскому: оказалось, что въ ней предоставляется ему не только епископія мстиславская, но и *архіепископія черниговская* (сѣверская), въ то время не вакантная и притомъ находившаяся въ московскомъ го-сударствѣ, на которую, слѣдовательно, выдавать привилегій польскій король не имѣлъ права и только порубежные *уні-атскіе бискупы*, по своему тщеславію,—какъ выражался впоследствии Одорскій,—присвоивали себѣ титул оной.

Все это побудило кievскія власти отнести къ Одорскому съ бoльшимъ подозрѣніемъ и, до отвѣта изъ Москвы, учинить надъ нимъ болѣе строгій надзоръ, чѣмъ какой при-мѣнялся относительно другихъ прѣѣзжавшихъ въ Кіевъ иноземцевъ. „Заключили меня—пишетъ Одорскій—въ узы не вѣдомо для чего, и въ нихъ стражду съ великимъ моимъ утѣсненіемъ; и днемъ и ночью окруженъ крѣпкимъ карауломъ; истощаюсь голодомъ и холодомъ и прочими нуждами; отъ такихъ великихъ невзгодъ опасаясь, какъ-бы безвремен-но не умереть ¹⁵⁾“.

Вотъ къ этому времени (половинѣ марта) и относится то прошеніе Одорскаго къ государямъ, выдержками изъ котораго мы начали его біографію и въ которомъ онъ, сознаваясь въ своей принадлежности къ уніи, выражаетъ твердое намѣреніе оставить оную. Къ этому же времени относятся два письменныя обѣщанія Одорскаго, изъ коихъ одно дано митрополиту, а другое воеводѣ. „Я іеромонахъ закона св. Василя Гедѣонъ Одорскій (читаемъ въ первомъ обѣщаніи) признаю симъ письменнымъ актомъ, что, находясь доселѣ въ уніи съ костеломъ римскимъ, по чистой совѣсти обѣщаюсь возвратиться къ своей отечественной православной святой восточной церкви, не находящейся въ уніи съ костеломъ римскимъ, но пребывающей подъ благословеніемъ святыхъ отцевъ патріарховъ константинопольскихъ и прочихъ восточнаго греческаго православія.—Получилъ было я отъ королевскаго величества привилегію на епископство *бѣлорусское*—мети-славское, оршанское и могилевское—съ прибавленіемъ къ нему новаго титула: архіепископства *сѣверскаго*—черниговскаго,—находящагося въ государствѣ ихъ царскаго величества, наияснѣйшихъ православныхъ монарховъ московскихъ; но такъ какъ это прибавленіе титула зарубежнаго (по отношенію къ Польшѣ) архіепископства сѣверскаго противно мирнымъ статьямъ вѣчнаго союза московскаго государства съ Польскою короною и Великимъ княжествомъ литовскимъ,

*то я навѣки отрекаюсь оного и своею совѣстію завѣ-
ряю, что никогда не буду присвоить его себѣ“* ¹⁶⁾.

Документъ этотъ показываетъ, что Одорскій, вынужден-
ный обстоятельствами сознаться въ своей принадлежности
къ униі, не считалъ своего дѣла проиграннымъ: давая пись-
менное обѣщаніе вновь присоединиться къ православной
церкви и, такимъ образомъ, устраняя главную (канониче-
скую) преграду къ посвященію въ епископы, онъ отказывался
только отъ тѣхъ, предоставляемыхъ ему королевскою приви-
легіею, правъ, которыя не согласовались съ договорными ста-
тьями вѣчнаго мира Россіи съ Польшею, т. е. отъ номи-
нальнаго титула *архіепископа черниговскаго*, къ занятію
же мстиславской кафедры считалъ себя *правоспособнымъ*.
Послѣднее еще явственнѣе видно изъ письменнаго обѣщанія,
даннаго Одорскимъ кіевскому воеводѣ относительно отреченія
отъ того же титула. Обѣщаніе это начитается такъ: „Я Ге-
деонъ Одорскій, святаго богословія учитель, *епископъ бѣло-
русскій назначенный...*“ ¹⁷⁾ и т. д.

Придавая особенную цѣну данной ему королемъ приви-
легіи и, на основаніи ея, продолжая называть себя *номина-
томъ епископіи бѣлорусской*,—Одорскій, однако, хорошо
понималъ, что въ глазахъ православныхъ бѣлоруссовъ озна-
ченная привилегія, какъ полученная вопреки ихъ желанію
(*безъ елекціи*), не можетъ имѣть существеннаго значенія.
Въ виду этого Одорскій дѣлалъ было (одновременно съ заяв-
леніемъ объ отреченіи своемъ отъ униі) попытку войти въ
сношенія, относительно своей кандидатуры на мстиславскую
епископію, съ православными бѣлорусскими братствами и
плехтою. Въ качествѣ посредника при этихъ сношеніяхъ
онъ избралъ кіевского митрополита, котораго „черезъ многихъ
людей, мірскихъ и духовныхъ“ просилъ „провѣдать“ у пра-
вославныхъ бѣлоруссовъ, не пожелаютъ-ли они избрать его
„вольными голосами и принять вмѣсто пастыря своего“. Но
хлопоты эти успѣхомъ не увѣнчались: митрополитъ откло-

нить отъ себя посредничество, считая Одорскаго человѣкомъ *подозрительнымъ* ¹⁸⁾.

Но когда все это происходило,—т. е. въ то время, когда Одорскій употреблялъ всѣ старанія къ тому, чтобы выдти изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ онъ очутился по прїѣздѣ въ Кіевъ,—надъ „раскаявшимся грѣшникомъ“ собирались тучи болѣе грозныя. Бѣда шла оттуда, откуда Одорскій вовсе не могъ ожидать ее.

Вскорѣ послѣ прїѣзда Одорскаго въ Кіевъ, именно, 9 марта 1690 года, за полчаса до разсвѣта, караульнымъ стрѣльцомъ при пятницкихъ воротахъ (въ „нечерскомъ мѣстечкѣ“) найдено было подметное письмо, заключавшее въ себѣ доносъ на гетмана Мазепу, какъ скрытаго врага православія и государственнаго измѣнника. Письмо это передано было стрѣльцомъ своему непосредственному начальнику—упомянутому нами капитану Верховскому, а этотъ послѣдній въ тотъ же день доставилъ его кіевскому воеводѣ. Воевода немедленно съ нарочитымъ гонцомъ отправилъ письмо въ Москву. Въ Москвѣ доносу не повѣрили: посмотрѣли на письмо, какъ „на злое и вымышленное“ и, желая показать особенное довѣріе гетману, отправили къ нему нарочитаго посла—дьяка Бориса Михайлова, которому поручено было лично вручить Мазепѣ подметное письмо и говорить при этомъ отъ имени государей милостивыя слова: „Ихъ де царскія Величества изволили то письмо почестъ за воровское и отъ злыхъ людей за подметное, и чтобъ онъ, гетманъ Иванъ Степановичъ, на ихъ государскую непремѣнную милость и жалованье во всемъ былъ надеженъ; а ихъ, великихъ государей, ихъ царскаго Величества, милость и жалованье никогда отъ него за его вѣрную службу, такъ же и отъ старшины запорожской и отъ полковниковъ войска запорожскаго, отъемлема не будетъ; въ томъ бы онъ, гетманъ Иванъ Степановичъ, однолично и всецѣло на ихъ государскую ми-

лость и жалованье всегда быть надеженъ, безъ всякаго сумнѣнія“.

Но не давая вѣры доносу на гетмана, московское правительство тѣмъ не менѣе очень желало выслѣдить, кто былъ доносчикъ, распускавшій клеветы на Мазепу и чрезъ то желавшій произвести смуту въ Малороссіи. Въ этомъ смыслѣ данъ былъ и наказъ послу Борису Михайлову, — именно, ему было велѣно говорить Мазепѣ: „какъ онъ, гетманъ Иванъ Степановичъ, разсуждаетъ о томъ письмѣ:—не въ польской-ли сторонѣ то писано, и на кого онъ въ Польшѣ имѣетъ невѣрку? Или невѣрка у него въ томъ на кого изъ великороссійскихъ или малороссійскихъ жителей? И на мірскихъ-ли людей или на духовныхъ?..... И онъ бы, гетманъ Иванъ Степановичъ, *помыслилъ о томъ накрѣпко, какимъ бы образомъ о такомъ подметномъ письмѣ розыскать*“.

Давая такой наказъ гетману, московское правительство высказало ему и свои предположенія о томъ, кто-бы могъ быть авторомъ упомянутого подметнаго письма, причемъ первѣе всего съ подозрѣніемъ отнеслось къ нашему Гедeonу Одорскому, котораго, на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ о немъ кіевскимъ воеводою, и сопоставленія ихъ съ полученнымъ около того же времени донесеніемъ своего резидента въ Польшѣ Ивана Волкова о стремленіи латино-уніатской партіи замѣстить мстиславскую епископію своимъ кандидатомъ¹⁹⁾, — считало человѣкомъ неблагонадежнымъ: *предполагало, не креатура-ли онъ чистовъ*. Поэтому, пославъ Мазепѣ все дѣло о Гедeonѣ (т. е. присланныя изъ Кіева *разспросныя рѣчи* съ приложеніемъ отобранныхъ *при разспросѣ* документовъ), московское правительство поручило своему послу поговорить съ гетманомъ: „не взять-ли ему пріѣзжаго изъ Москвы старца Одорскаго изъ Печерскаго монастыря къ себѣ въ Батуринъ *для подлиннаго о томъ письмѣ разспросу и розыску*“.... Преподавался гетману совѣтъ разспросить нѣкоего Доморацкаго (привезшаго Мазепѣ письма отъ

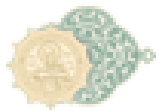
епископа Шумлянскаго), „не знаетъ-ли онъ того старца Одорскаго, и не совѣтникъ-ли онъ Шумлянскаго, и не Шумлянскій-ли подослалъ его для подмету такихъ воровскихъ и засмутительныхъ писемъ“?... Доводилось до свѣдѣнія Мазепы, что въ Кіевѣ живетъ уже два года отецъ Гедео́на—Даниилъ Одорскій съ своими (младшими) дочерьми. „И того отца его старцева (Гедеонова), также и челядь, которая есть при немъ старцѣ, для розыску въ томъ вышепомянутомъ письмѣ не взять-ли ему, гетману, къ себѣ въ Батуринъ“?—Наконецъ, Мазепѣ предложено было, чтобы онъ приказалъ и архимандриту кіево-печерскому Варлааму Ясинскому „о томъ всячески провѣдывать, не онъ ли Одорскій самъ, или отецъ его Данило, или который изъ челяди его то письмо подкинулъ, и для какого умыслу и по чьему наученію“²⁰⁾?

Гедео́ну Одорскому, такимъ образомъ, грозили большія бѣды (не забудемъ, это въ то время „розыски“ производились чаще всего „съ пристрастіемъ“), но къ его счастью подозрѣнія Мазепы были направлены совершенно въ другую сторону. И при личныхъ бесѣдахъ съ Борисомъ Михайловымъ и въ посланіи на имя государей, гетманъ заявилъ, что подметное письмо не польскаго (это де видно изъ его содержанія) и не великороссійскаго („не великороссійскимъ подобіемъ, яко въ словахъ, тако и литерахъ составлено“) происхождения: но, безъ сомнѣнія, писано малороссіяниномъ. Мазепа въ своихъ предположеніяхъ шелъ еще далѣе: съ увѣренностію высказывалъ подозрѣніе „въ клеветѣ и подметѣ“ на нѣкоего Михаила Гадичкаго, такъ какъ онъ—по словамъ Мазепы—„къ такимъ вещамъ податенъ и склоненъ“ и еще прежде, живя въ Москвѣ, разсѣвалъ противъ него, гетмана, разные клеветы. Въ виду этого Мазепа находилъ совершенно излишнимъ тревожить Гедео́на Одорскаго, какъ человѣка по данному дѣлу невиннаго. „Хотя-бы я—писалъ гетманъ государямъ—приказалъ того старца сыскать въ Батуринъ, однако отнюдь того не чаю, чтобы онъ о томъ

воровскомъ письмѣ вѣдалъ, понеже—какъ выше доложено—
домашнихъ моихъ враговъ, а не зарубежныхъ есть дѣло“.

Мало того: отклонивъ всякое подозрѣніе по данному дѣлу отъ Одорскаго, Мазепа съ своей стороны находилъ неудобнымъ задерживать его,—какъ особу немаловажную (какъ имѣвшаго королевскую привилегію на епископію),—въ Кіевѣ, повидимому, опасаясь нежелательныхъ осложнений при сношеніяхъ съ Польшею, а потому совѣтывалъ отпустить его восвояси съ честію, *„обнадежа великихъ государей милостію, чтобы онъ въ ихъ государственной милости презрѣнъ и прайдѣнъ отпущенъ не былъ“* ²¹).

Въ то время московское правительство внимательно прислушивалось къ мнѣніямъ Мазепы (касательно дѣлъ въ Малороссіи) и почти всегда слѣдовало его совѣтамъ. Такъ поступило оно и въ данномъ случаѣ. Кіевскому воеводѣ предписано было (указомъ отъ 29 мая 1690 г.) отпустить Одорскаго въ польскую сторону и дана инструкція, что сказать при отпускѣ. Сказать вѣрно слѣдующее: не могла быть исполнена просьба его, Гедеона, о посвященіи въ санъ епископа потому, что умеръ кіевскій митрополитъ (слѣд., не кому де посвятить) ²²), а также потому, что *не представилъ онъ отъ православныхъ бѣлоруссовъ акта о своемъ избраніи на епископію*, да и въ королевской привилегіи ему присвоивается, между прочимъ, титулъ архіепископства сѣверскаго и черниговскаго, что противно договорнымъ статьямъ вѣчнаго мира между Польшею и московскимъ государствомъ. Но если, говорилось далѣе въ инструкціи,—онъ, Гедеонъ, вольною елекціею на то епископство мстиславское отъ греко-русскаго благочестія, какъ отъ духовныхъ, такъ и отъ мірскихъ людей, избранъ будетъ и выборъ на себя отъ благочестивыхъ (православныхъ) привезетъ, тогда по указу великихъ государей и по благословенію преосвященнаго кіевскаго митрополита новоизбраннаго) на то мстиславское епископство посвященъ будетъ; только

впредь бы онъ, помня свое обѣщаніе, постоянно держался природной своей благочестивой христіанской вѣры, а на римскую прелесть не прельщался и къ соединенію или уніи съ римскимъ костеломъ и съ ихъ исповѣдники не пріобщался“ ²³).

Но для Гедеона Одорскаго, порвавшего связи съ латино-уніатами и все таки не успѣвшаго чрезъ это снискать расположеніе бѣлорусскихъ православныхъ, обратное путешествіе на родину являлось уже нежелательнымъ, даже—въ виду измѣнившихся отношеній къ уніатамъ, теперь враждебно къ нему настроеннымъ,—небезопаснымъ. Поэтому, выслушавъ отъ кіевского воеводы „милостивый“ царскій указъ о своемъ „отпускѣ“, Одорскій заявилъ, что „ему ѣхать изъ Кіева за рубежъ въ польскую сторону *невозможно*“ и онъ будетъ бить челомъ великимъ государямъ, дабы они его пожаловали: дозволили ему навсегда остаться на жительствѣ въ Малороссіи въ какомъ либо изъ здѣшнихъ монастырей,—при этомъ Гедеонъ указалъ и на мотивы, которыми онъ руководствуется, не желая и даже опасаясь возвращаться на родину. Мотивы эти болѣе подробно раскрыты въ самой челобитной Одорскаго на имя государей.

Означенная челобитная довольно обширна и во многихъ мѣстахъ уснащена цвѣтами краснорѣчія. Сущность ея сводится къ слѣдующему.

Милость великихъ государей къ Одорскому неизреченна; онъ не находитъ словъ, какъ возблагодарить за нее, и посему считаетъ обязаннымъ *всѣ силы свои посвятить на служеніе ихъ царскимъ Величествамъ* и быть ихъ *богомольцемъ по вся дни житія своего*“. Неизреченна къ нему и милость Божія, отвлекшая его отъ прелести уніатской и вновь содѣлавшая сыномъ православной церкви; посему онъ желаетъ „не въ иной странѣ, а только въ православной землѣ, находящейся подъ властію ихъ царскаго пресвѣтлаго Величества голову свою положить и житіе скончать“.

Все это мотивы отвлеченные. За ними слѣдуютъ и болѣе реальныя.

До свѣдѣнія Одорскаго дошло, что латино-уніаты, узнавъ объ его отреченіи отъ уніи, учинили наѣздъ на онуфріевскую архимандрію, завладѣли ею и заграбили находившееся здѣсь имущество Гедеопа, а его самого проклинали во всѣхъ своихъ церквахъ и костелахъ „при колокольномъ звонѣ, съ гашеніемъ свѣчей“. Такимъ образомъ, возвращаться въ онуфріевскую обитель было невозможно: Одорскому— по его словамъ—предстояла перспектива, при совмѣстной жизни съ уніатами, или быть убитымъ или снова, по принужденію, принять унію.—Находилъ неудобнымъ для себя Одорскій ѣхать и къ православнымъ бѣлоруссамъ, потому что (въ чемъ теперь откровенно сознается) не былъ избранъ ими на епископію, *да и не могъ быть въ то время избираемъ, какъ уніаты* („не подобно было людямъ православнымъ мене вмѣсто православнаго своего пастыря избирати“); о своемъ же рѣшеніи принять православіе онъ, до пріѣзда въ Кіевъ, опасаясь уніатовъ, *никому не говорилъ*.—Привилегія на мстиславскую епископію дана была Одорскому королемъ за заслуги какъ его самого, такъ и его предковъ, и онъ *вынужденъ* былъ принять ее; *самъ же къ этому не стремился и вовсе не желалъ сего*, въ чемъ свидѣтельствуется предъ престоломъ Божиимъ. И въ настоящее время онъ не думаетъ (что предлагалось—какъ мы видѣли Одорскому—отъ имени государей) ходатайствовать предъ православными бѣлоруссами о своемъ избраніи на означенную епископію: *достаточно съ него и за одну свою душу дать отвѣтъ на страшномъ судѣ Божіемъ*. Впрочемъ,—считалъ нелишнимъ прибавить къ сказанному Одорскій,—если-бы сами православные бѣлоруссы, узнавши, что онъ въ настоящее время состоитъ сыномъ православной церкви, *били о немъ челомъ ихъ царскому пресвѣтлому Величеству и по сему ходатайству воспослѣдовалъ указъ государей...*, Одорскій считалъ бы

сие дѣломъ Божиимъ (т. е. принялъ бы санъ епископскій).— Челобитная заканчивается повтореніемъ просьбы, чтобы великіе государи позволили ему, Одорскому, „въ православной ихъ царскаго Величества землѣ, въ вѣрѣ святой православной восточной дни свои окончить и голову положить“ ²⁴).

Челобитная Гедео́на Одорскаго о дозволеніи ему остаться на жительствѣ въ Малороссіи подѣ державою московскихъ государей была уважена. Но если онъ, принимая русское подданство, надѣялся на особенное вниманіе къ нему со стороны московскаго правительства—разсчитывалъ занять видное положеніе въ средѣ малороссійскаго духовенства (получить „начальство хотя бы и меньшее епископскаго“),—то этимъ ожиданіямъ не суждено было исполниться, по крайней мѣрѣ, очень долгое время. „Милостивый указъ“ отъ имени государей, окрылившій надежды Одорскаго, въ сущности имѣлъ характеръ *дипломатическій*; на самомъ же дѣлѣ въ Москвѣ и послѣ отреченія Гедео́на отъ уніи *продолжали смотрѣть на него съ недовѣріемъ*. Это ясно видно изъ резолюціи, положенной на означенной челобитной Одорскаго. Дозволяя ему пребываніе въ какомъ либо изъ кіевскихъ монастырей *въ числѣ рядовой братіи*, московское правительство предписывало кіевскимъ властямъ „*смотрѣть надъ нимъ, чтобы въ благочестіи былъ крѣпокъ и постояненъ, и съ пріѣзжими изъ польской стороны, какъ съ духовными, такъ и мірскими людьми не знался и ни съ кѣмъ не списывался*“. Правда, слѣдуя той же дипломатіи, правительство и теперь „обнадеживало“ Одорскаго „милостью“ государей, но эта милость являлась дѣломъ будущаго и ставилась въ зависимость отъ поведенія самаго Гедео́на: „отъ его житія и воздержанія“ ²⁵).

Мѣстомъ для своего мѣстопребыванія Одорскій избралъ кіево-печерскую лавру. Здѣсь онъ, согласно указу изъ Москвы, хотя и зачисленъ былъ въ число рядовой братіи (рядовыхъ іеромонаховъ), но среди нея отличенъ былъ пору-

ченіемъ ему важной въ то время обязанности „казнодѣя“, т. е. проповѣдника Слова Божія ²⁶). Порученіе это было, безъ сомнѣнія, знакомъ вниманія къ его учености со стороны кіевскихъ духовныхъ властей, съ которыми Гедeonъ, надо полагать, умѣлъ ладить. По крайней мѣрѣ, благосклонное отношеніе къ нему новаго митрополита Варлаама Ясинскаго не подлежитъ сомнѣнію.

Въ 1693 году скончался отецъ Гедeона—Даніилъ Довмонтъ Одорскій: онъ „сложилъ свою голову“ на службѣ московскихъ государей „въ обозѣ подъ городомъ Полтавою“ во время похода (весною означеннаго года) противъ „измѣнника Петрушки“ и былъ погребенъ при полтавской соборной церкви ²⁷). Даніилъ Одорскій—какъ мы сказали—былъ человѣкъ очень состоятельный. Кромѣ родовыхъ помѣстій въ витебскомъ воеводствѣ, онъ располагалъ большими суммами денегъ, значительная часть которыхъ (около 100,000 злотыхъ польскихъ) роздана была подъ закладныя имѣнія еще во время пребыванія его на родинѣ. Переселяясь на жительство въ Кіевъ, Даніилъ Одорскій родовыя помѣстья отдалъ своимъ старшимъ дочерямъ, оставшимся въ Литвѣ, а въ имѣніяхъ, находившихся во временномъ его владѣніи по закладнымъ, поставилъ, въ качествѣ управителей, довѣренныхъ лицъ.—Послѣ Даніила Одорскаго осталось духовное завѣщаніе, гдѣ имущество его распредѣлялось слѣдующимъ образомъ: родо-дѣля помѣстья укрѣплялись за упомянутыми старшими дочерьми, а денежные документы по закладнымъ отказывались сыну Гедeону и двумъ младшимъ дочерямъ, находившимся въ то время въ дѣвичьемъ ладинскомъ прилуцкомъ монастырѣ. Но *полученіе отцовскаго наслѣдства представило для нашего Гедeона большія затрудненія. Кажется, еще при жизни Даніила Одорскаго, когда онъ переселился въ Кіевъ, дѣла его относительно оставшихся въ Литвѣ имѣній, въ томъ числѣ и находившихся во временномъ владѣніи по закладнымъ, обстояли неблагополучно. Послѣ же его смерти долж-*

ники и совсѣмъ отказались отъ своихъ денежныхъ обязательствъ: „не вернувши—говорить Гедѣонъ Одорскій—отеческихъ денегъ, *тыя* (находившіяся въ закладѣ) *сѣла силою себѣ забрали и отеческихъ прикащиковъ изгнали*“ ²⁸).

Гедѣонъ Одорскій рѣшился возстановить свои (и своихъ сестеръ) имущественныя права на оставленное отцемъ наслѣдство. За содѣйствіемъ въ этомъ онъ обратился къ кievскому митрополиту Варлааму Ясинскому. Митрополитъ принялъ горячее участіе въ дѣлѣ Одорскаго и самъ вручилъ („поднеслъ“) кievскому воеводѣ челобитную Гедѣона на имя государей для отправленія ея по назначенію. Главная цѣль этой челобитной (закрывающей въ себѣ, между прочимъ, свѣдѣнія объ отцѣ Гедѣона Одорскаго и о немъ самомъ) состояла въ томъ, чтобы великіе государи дозволили Гедѣону „зимнимъ путемъ въ царствующемъ градѣ Москвы быти и тамъ предъ святопомазанымъ царскимъ лицомъ ихъ пресвѣтлыхъ Величествъ“ подробнѣ („совершеннѣ“) изложить всѣ свои „нужныя дѣла“ ²⁹).

До полученія отвѣта на свою челобитную Одорскій собрался было послать необходимыя документы („крѣпости на имѣнія“) въ Литву къ своимъ роднымъ сестрамъ и племянникамъ и просить ихъ, чтобы они „отеческихъ денегъ доправляли“—искали передъ польскимъ королемъ „суда и управы“. Но митрополитъ Ясинскій „не велѣлъ ему того дѣлать“, въ объясненіе чего сослался на извѣстный намъ указъ отъ имени государей, воспрещавшій Гедѣону какия бы то ни было сношенія съ лицами, находившимися въ польской сторонѣ, „за рубежемъ“ ³⁰).

Желаніе Одорскаго побывать въ Москвѣ для личныхъ хлопотъ о своемъ дѣлѣ осуществилось ранѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Помогли сему благопріятно сложившіяся для Одорскаго обстоятельства. Лѣтомъ 1693 года снаряжалось изъ Кіева большое посольство въ Москву: монастыри кievо-братскій и кievо-никольскій посылали своихъ представителей „къ

великимъ государямъ“ съ многими и разнообразными петиціями. Къ свитѣ посольства примкнулъ и нашъ Гедѣонъ, къ этому времени, надо полагать, уже получившій благопріятный отвѣтъ „на свое челобитѣ“.

Отправляясь въ Москву, Гедѣонъ Одорскій, успѣвшій къ этому времени снискать расположеніе не только кіевскаго митрополита (о чемъ было уже упомянуто), но—можетъ быть чрезъ его посредство—и *гетмана Мазепы*, заручился отъ обоихъ ихъ рекомендательными письмами о себѣ. „А тѣ ихъ письма—заявлять въпослѣдствіи Одорскій въ челобитной на имя государя (1697 г.)—писаны были о мнѣ, богомольцѣ твоемъ, какъ азъ ревностно черезъ пять (sic!) лѣтъ въ кіево-печерской обители трудился; также те ты письма писаны и о родителѣ моемъ, какъ онъ благочестія ради святаго зѣло былъ гонимъ, и какъ онъ, родитель мой, на имя твое государское выѣхалъ съ *имѣніемъ своимъ* и вѣрно тебѣ, великому государю, служилъ, и на службѣ твоей, великаго государя, скончался“ ³¹⁾. Упомянутое объ одномъ изъ этихъ писемъ, именно, письмѣ митрополита Варлаама Ясинскаго къ московскому патріарху Адріану, находится въ отвѣтной грамотѣ послѣдняго къ первому. Изъ этой грамоты узнаемъ, что Ясинскій рекомендовалъ патріарху Одорскаго, „*яко человекъ честнаго и въ ученіи мудраго*“ ³²⁾.

Посольство отъ кіевскихъ монастырей прибыло въ Москву въ началѣ іюля (1693 г.). По установившемуся обычаю ему отведено было помѣщеніе и назначено опредѣленное содержаніе—каждому лицу соотвѣтственное занимаемому имъ положенію (архимандритамъ—одна „дача“, іеромонахамъ—другая, и т. д.). Прибавки къ назначенному содержанію были знакомъ особеннаго вниманія къ извѣстнымъ лицамъ, такъ или иначе выдвигавшимся изъ среды своихъ собратій. Сохранилось извѣстіе, что знаками такого вниманія со стороны московскаго правительства пользовался и Гедѣонъ Одорскій. Такъ въ началѣ августа (какъ гласитъ тогочасная записъ)

ему, сверхъ обыкновенной дачи въ приказѣ, пожаловано было великими государями *десять рублей* за то, что онъ во время Божественной литургіи „челъ поученіе“ ³³).

Въ концѣ августа Гедеономъ Одорскимъ подано было три челобитныя на имя государей ³⁴).

Въ первой изъ нихъ, упомянувъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ состоялось его опредѣленіе въ кіево-печерскую лавру и выставивъ на видъ свою одобрительную жизнь въ сей обители, Гедeonъ просилъ великихъ государей подтвердить свой милостивый указъ о немъ (1690 года), дабы ему никто „не дѣлалъ обидъ, насилія и поруганія“; а въ случаѣ какихъ либо притѣсненій „свободно было бы донести свое челобитіе объ этомъ имъ, великимъ государямъ“.—Во второй челобитной испрашивалось позволеніе послать въ Литву къ сестрамъ и племянникамъ тѣ документы, которые могли имѣть значеніе при возстановленіи, чрезъ посредство суда, имущественныхъ правъ Одорскаго (по упомянутому дѣлу о наслѣдствѣ послѣ смерти его отца).—Въ третьей—Гедeonъ испрашивалъ у государей дозволенія, на обратномъ пути въ Кіевъ, посѣтить боярина Бориса Петровича Шереметева, бывшаго въ то время воеводою въ Бѣлгородѣ. Цѣль этого посѣщенія объяснялась тѣмъ, что Шереметевъ и отецъ Гедeона—Даніилъ Одорскій были большіе друзья („зѣло пріятельныи себѣ“) и послѣдній передъ своею смертію „конечнымъ прошеніемъ вручилъ заступленію и призрѣнію“ Шереметева двухъ младшихъ своихъ дочерей, находившихся въ прилуцкомъ ладинскомъ женскомъ монастырѣ,—лично переговорить о чемъ съ бояриномъ и желательно было Гедеоу.

На челобитіе Одорскаго воспослѣдовали милостивые указы отъ имени государей, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями и оговорками, показывающими, что полного довѣрія къ Гедeону московское правительство и въ данное время не имѣло.

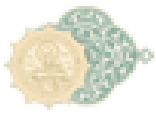
Такъ, по поводу перваго челобитія въ Кіевъ посланъ былъ наказъ, чтобы кіево-печерскій архимандритъ имѣлъ къ

Гедеону „привѣтъ и призваніе“, а „тѣсноты и обиды ему никто бы и никакой не чинилъ“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оставлено было въ силѣ и вновь подтверждено прежнее распоряженіе: „въ Польшу, и въ Литву и никуда за рубежъ не отпускать его, и писать ему *ни о чемъ ни къ кому не велѣть*“ ³⁵).

По поводу второй челобитной—о посылкѣ документовъ къ сестрамъ и племянникамъ, находившимся въ Литвѣ—посланъ былъ указъ гетману Мазепѣ, въ которомъ дѣло это предоставлено было его „усмотрѣнію“, причемъ, хотя опять подтверждено было „не отпускать Гедеона въ Польшу и Литву и ни къ кому ни о чемъ писать отнюдь не велѣть“, однако относительно послѣдняго пункта сдѣлано смягченіе: *письменныя сношенія съ родственниками уже дозволялись* (не писать „*кромя сродниковъ*“) ³⁶).

По третьей челобитной состоялся указъ, которымъ Одорскому разрѣшалось посѣтить Шереметева, а послѣднему предписывалось, если Гедеонъ пріѣдетъ въ Бѣлгородъ и будетъ просить объ устройствѣ своихъ сестеръ въ какомъ либо изъ украинскихъ монастырей, его просьбу исполнить и сестрамъ назначить соотвѣтственное ихъ положенію содержаніе ³⁷).

Посольство изъ Кіева, съ которымъ прибылъ Одорскій, отправлялось уже въ обратный путь; но Гедеонъ замедлил своимъ отъѣздомъ и только въ мартѣ 1694 года совсѣмъ собрался было въ дорогу: получилъ на „отпускъ“ жалованье отъ государей ³⁸) и исходатайствовалъ у московскаго патріарха удостовѣрительную грамоту къ кіевскому митрополиту о своемъ „честномъ“ пребываніи въ Москвѣ ³⁹). Однако и въ это время выѣздъ Одорскаго изъ Москвы не состоялся. „Аще,—говорилъ онъ впоследствии,—и милостиво отпущенъ былъ отъ царскаго пресвѣтлаго Величества, но обаче *отъ многихъ понужденный* потицился на славу великаго государя потрудиться“ ⁴⁰),—т. е. рѣшился продолжить свое пребываніе въ Москвѣ. Очевидно, Одорскій, прибывъ въ Москву,

успѣлъ снискать расположеніе нѣкоторыхъ вліятельныхъ при дворѣ лицъ и при содѣйствіи ихъ надѣялся устроиться здѣсь лучше, нежели въ Кіевѣ (скорѣе выдвинуться изъ числа рядовой братіи). Разумѣется, остаться въ Москвѣ Гедeonъ могъ только съ соизволенія на то государей, каковое, безъ сомнѣнія, имъ и было испрошено.

О пребываніи Одорскаго въ Москвѣ сохранилось очень немного данныхъ; впрочемъ, онѣ достаточны для *характеристики* его дѣятельности въ означенное время. „Въ трудахъ тебѣ, великому государю,—пишетъ Одорскій въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ (1697 г.) челобитныхъ царю Петру Алексѣевичу,—четыре года на Москвѣ пребывалъ. Первѣе тебѣ, великому государю моему, поднести азъ, богомолецъ твой, чрезъ боярина князя Бориса Александровича икону Богородичну съ царскими лицами подъ таковымъ именемъ и надписаніемъ: *диадима царей благочестивыхъ*, и при той же иконѣ стихи и иные тетради на славу тебѣ, великому государю, восписалъ; а потомъ видимый миръ въ сферѣ небесной на доскахъ мѣдныхъ велѣлъ вырѣзать и печатнымъ изображеніемъ на славу тебѣ, великому государю, изобразить; а нынѣ внове твою богоданную Азовскую побѣду въ лицахъ изобразилъ и чтобы тое изображеніе на доскахъ мѣдныхъ вырѣзано было и печатано подрядилъ азъ, богомолецъ твой, еще августа мѣсяца третьяго числа Аѳанасья Трухменского, полку преображенскаго, и за работу ему заплатилъ и дски мѣдныя на тое приготовилъ и ему Аѳанасію отдалъ.“⁴⁰)....

Стараясь обратить на себя вниманіе великихъ государей „трудами на славу“ ихъ, Одорскій воскурятъ панегирической фиміамъ и предъ духовными властями. Въ Московской Синодальной библіотекѣ сохранился панегирикъ патріарху Адріану, носящій слѣдующее витіеватое заглавіе: „Тригласная жертва хваленія согласная со именемъ трисилѣвнымъ **Адріанъ**, и соединенна со кровію мученическою, яже выну

вопієть ко безсмертному владыцѣ всѣхъ Богу, и во всечестную и свѣтлопразднестивенную память святаго мученика Адріана восписанная Божією милостію всесвятѣйшему и всеблаженнѣйшему великому господину куръ Адріану, Архіепископу царствующаго великаго града Москвы и всея Росіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарху“. Панегирикъ поднесенъ — какъ значитъ въ концѣ его — „отъ смиреннаго и сокрушеннаго сердца зѣло недостойнаго послушника многогрѣшнаго *іеромонаха Гедео́на*“. Что авторъ панегирика есть нашъ *Гедео́нъ Одо́рскій*, — сомнѣнію не подлежитъ. Это, независимо отъ другихъ соображеній, ясно видно изъ конечныхъ стиховъ самаго панегирика:

О, отче всеблагій,
Пастырю предрагій

.

Покрый мя покровомъ *ти Варлаа́моль* *отдана*
Усердно молю гласомъ крове Адріана“ ⁴¹⁾.

Но несмотря на всѣ эти заискиванія предъ свѣтскою и духовною властями (отъ чего, разумѣется, сохранились только слабые слѣды) Одо́рскому не удалось въ Москвѣ упрочить свое положеніе, и онъ въ февралѣ 1697 года сталъ просить великаго государя объ отпускѣ его въ Малороссію ⁴²⁾.

Главною причиною безуспѣшности стараній Одо́рскаго, создать себѣ *почетное* положеніе въ Москвѣ было все тоже *недовѣріе* къ нему, какъ бывшему уніату, — особенно со стороны духовныхъ властей.

Мы видѣли, что и кіевскія духовныя власти, на первыхъ порахъ по пріѣздѣ Одо́рскаго въ Кіевъ, отнеслись къ нему весьма недовѣрчиво. Но съ теченіемъ времени, послѣ отреченія Гедео́на отъ уніи, недовѣріе это ослабѣвало и онъ даже снискалъ расположеніе новаго кіевского митрополита. Надо полагать, что въ *особенный* упрекъ Одо́рскому не ставили его прежнее пребываніе въ уніи и другія лица изъ

кіевскаго *ученаго* духовенства. Сами они—по крайней мѣрѣ, многія изъ нихъ—посѣщали, для завершенія своего образованія іезуитскія коллегіи и по опыту знали, какія затрудненія при прохожденіи высшихъ наукъ ставились здѣсь для лицъ, не изъявлявшихъ согласія принять унію, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ, хотя-бы то и наружно, дѣйствительно и принимали ее. Правда, Одорскій слишкомъ долго пребывалъ въ уніи; но не неповинны были въ этомъ нѣкоторые и изъ тогочасовенныхъ представителей кіевской учености, каковымъ, напримѣръ, былъ предшественникъ Гедео́на по ректурѣ въ Кіевской Академіи Прокопій Колачинскій ⁴³). Не говоримъ уже о той тѣсной связи, какая должна была существовать между лицами, научныя воззрѣнія которыхъ слагались подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же образовательныхъ началъ.

Далеко не такъ снисходительно относились къ лицамъ, увлеченнымъ въ унію, московскія духовныя власти, хотя-бы эти лица отрекались отъ папизма и вновь присоединялись къ православію. На нихъ лежало уже неизгладимое пятно: сомнѣвались въ чистотѣ ихъ религіозныхъ вѣрованій, не довѣряли искренности ихъ отреченія отъ уніи.

Яркимъ доказательствомъ такого крайне недовѣрчиваго отношенія московскаго духовенства къ означеннымъ лицамъ, а въ томъ числѣ и *къ нашему Гедео́ну Одорскому*, можетъ служить, между прочимъ, дѣло о присоединеніи къ православію нѣкоего „ритора Григорія Алексѣева, сына Скибинскаго, философіи и иныхъ свободныхъ художествъ доктора, святой богословіи учителя“,—какъ онъ самъ себя титулуетъ въ прошеніи на имя московскаго патріарха Адріана ⁴⁴).

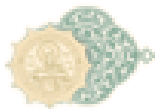
Скибинскій прибылъ въ Москву во время пребыванія здѣсь Одорскаго. Подобно послѣднему онъ оказался совращеннымъ въ унію во время обученія въ іезуитскихъ школахъ, но тоже раскаялся въ своемъ прегрѣшеніи и пожелалъ „паки пріити въ первое благочиніе“, т. е. присоединиться къ православію. Однако желаніе его исполнено было не ско-

ро, послѣ долгихъ колебаній. Основанія для сего, письменно изложенныя, были слѣдующія:

Во первыхъ, *неувѣренность въ чистотѣ религиозныхъ вѣрованій Скибинскаго*. „У учениковъ, воспитывавшихся у православныхъ учителей—разсуждали въ Москвѣ—и ученіе православное; а у еретиковъ учившихся (у какихъ обучался и Скибинскій)—и ученіе и мудрствованіе еретическія“. Да иначе и быть не можетъ: „каковы бо мокроты губа напѣется, такову влагу въ себѣ и имать, и такову изъ себе издастъ“... Отъ обучавшагося у еретиковъ, хотя бы онъ и заявлялъ себя православнымъ, нельзя ожидать православнаго мудрствованія, потому что „чрезъ многая лѣта, отъ младыхъ ногтей, въ немъ еретическое ученіе вѣстествовся“.

Во вторыхъ,—сомнѣніе въ искренности означенныхъ лицъ при обращеніи въ православіе. Ихъ считали въ Москвѣ проходимцами, „шпіонами“ іезуитовъ, волками, облакавшими въ овечью шкуру съ цѣлю удобнѣе похищать овецъ стада Христова. „Таковъ бо имуть обычай сицевые (т. е. подобные Скибинскому)—первѣе будто и вѣры латинскія отступаютъ и папу будто гаждаютъ и проклинаютъ, а все насъ тѣмъ обманываютъ; а опослѣ вся противная тому творятъ и православные народы отъ православія отвращаютъ“. Личность, подобная Скибинскому, „аще и тмами темъ покланяется, аще и папу анаѣематствуетъ, все на лсти творитъ“.

Разсужденія по данному вопросу иллюстрировались и примѣрами. Такъ указывали на давно уже поселившагося въ Москвѣ Яна Бѣлободскаго, который передъ соборомъ хотя и „отрицался ересей лютерскихъ и латинскихъ съ анаѣематствами“, но дѣлалъ это *притворно*, ибо и послѣ сего мудрствуетъ еретически „и въ разговорѣхъ все латинству учить и прельщаетъ доднесь“... Не прошли при этомъ молчаніемъ (къ чему мы и вели рѣчь) и нашего *Одорскаго*. „Да и всѣ

тіи пришельцы таковы“,—читаемъ въ документѣ, которымъ пользуемся—*„яко и чернецъ Одорскій явленный, глаголютъ, схизматику таковаго же ради прельщенія прииде (въ Москву)“* ⁴⁵⁾.

Дѣло о присоединеніи Скибинскаго къ православію возникло въ концѣ 1696 или началѣ 1697 г.г. ⁴⁶⁾. Связь между этимъ дѣломъ, вызвавшимъ означенный отзывъ объ Одорскомъ, и челобитной послѣдняго объ отпускѣ изъ Москвы едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію. Означенный отзывъ не могъ остаться неизвѣстнымъ Одорскому, и онъ, если прежде питалъ нѣкоторую надежду создать себѣ почетное положеніе въ Москвѣ, теперь долженъ былъ понять, что всѣ его старанія въ этомъ направленіи останутся тщетными. Въ Кіевѣ, по крайней мѣрѣ, цѣнили его ученость (называли *„мудрымъ во ученіи“*): въ Москвѣ эта ученость, пріобрѣтенная въ іезуитскихъ коллегіяхъ, ставилась ему въ укорь. Сомое титуло, которымъ онъ, подобно Скибинскому, величалъ себя: *учитель святой богословіи*,—титуло, чтимое въ Кіевѣ, вызывало въ Москвѣ, какъ пріобрѣтенное въ іезуитскихъ коллегіяхъ, порицанія, ибо—говорили здѣсь—*„не подобаетъ латинское еретическое ученіе нарицати Богословіемъ, но льпо звати оное богохуленіемъ и вредословіемъ“* ⁴⁷⁾.

Четобитье Одорскаго объ отпускѣ его въ Малороссію было уважено: царскій указъ объ этомъ состоялся 14 апреля 1697 года. При отпускѣ Одорскій просилъ о „дачѣ“ ему на подъемъ *пятнадцати подводъ*—знакъ, что онъ отправлялся изъ Москвы съ немалымъ имуществомъ и соотвѣтственнымъ сему числомъ прислуги („челяди“). Просилъ также Гedeонъ, чтобы, по пріѣздѣ въ Малороссію, ему дозволено было лично представиться къ гетману Мазепѣ, на покровительство котораго онъ, не безъ основанія, могъ разсчитывать. Это было дозволено. Съ Гedeономъ посланъ былъ и самый указъ о немъ Мазепѣ. Въ указѣ московское пра-

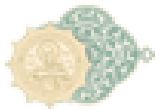

вительство. поручая гетману помѣстить Одорскаго въ одномъ изъ малороссійскихъ монастырей, повторяю прежнія свои предписанія *о само.мъ бдительно.мъ надзорѣ за нимъ* ⁴⁸⁾).

Одорскій опять избралъ мѣстомъ для своего пребыванія кіево-печерскую лавру. Надежды его создать себѣ въ Кіевѣ лучшее, чѣмъ въ Москвѣ, положеніе—осуществились, хотя и не особенно скоро. Мы имѣемъ въ виду предоставленіе Одорскому „начальствованія, хотя и меньшаго епископскаго“, но все-таки очень почетнаго,—именно, ректуры въ Кіевской Академіи, сдѣлавшейся вакантною постѣ назначенія Прокопія Колачинскаго настоятелемъ кіево-никольскаго монастыря.

Примѣчанія.

¹⁾ Мстиславская епископія учреждена въ 1633-мъ году, когда послѣ смерти польскаго короля Сигизмунда III на сеймахъ, слѣдовавшихъ за нею, православными поднятъ былъ вопросъ о возстановленіи нарушенныхъ въ предшествовавшее царствованіе правъ западно-русской церкви,—причемъ епископамъ сей епархіи присвоенъ былъ титулъ: „мстиславскаго, могилевскаго и оршанскаго“, а мѣстопробываніе для нихъ (каѳедра) назначено въ Могилевѣ, при монастырѣ св. Спаса (см. *приложенія* къ II тому нашего изслѣдованія: „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники“, № I, стр. 5). Первымъ мстиславскимъ епископомъ былъ извѣстный ревнитель православія Іосифъ Бобриковичъ, управлявшій епархією непродолжительное время (королевскую привилегію, данную Бобриковичу на означенную епископію 14 марта 1633 года, см. въ А. Ю. и З. Р. т. IV № 5; точное обозначеніе времени и мѣста его посвященія см. въ *прилож.* къ I тому упомянутого нашего изслѣдованія о П. Могила № LXXXIX, стр. 539; несостоятельность прежнихъ указаний на время его кончины и точную дату оной см. въ примѣчаніи къ документу, помѣщенному въ *прилож.* II тома того же изслѣдованія на стр. 66—72). Преемникомъ Іосифа Бобриковича былъ Сильвестръ Россовъ, посвященный въ епископы митропо-

литомъ II. Могилою *въ апрѣль 1635 года*. Послѣ избранія Коссова кievскимъ митрополитомъ (избирательный актъ 25 февр. 1647 г. см. въ Архивѣ Юго-Зап. Рос. ч. II, т. I, № XXVIII, стр. 343 и слѣд.), мстиславская епископія оставалась незанятою *до 1650 года*, такъ какъ Коссовъ, не получивъ въ свое управленіе (подобно предмѣстнику по митрополіи Петру Могилѣ) богатой кievо-печерской обители, довольно продолжительное время удерживалъ за собою и прежнюю свою епископскую кафедру съ принадлежащими къ ней имѣніями, никого не посвящая на оную, почему и подписывался: „Сильвестръ Коссовъ, милостію Божіею архієпископъ митрополитъ кievскій, галицкій и всея Россіи, *епископъ мстиславскій, оршанскій и мошелевскій*.—Это отмѣчено уже преосв. Макаріємъ (см. его „Исторію Рус. Церкви“, т. XII, стр. 14, гдѣ сдѣланы и ссылки на документы). Но далѣе въ историческихъ трудахъ продолжаемъ встрѣчать по затронутому вопросу большую путаницу и неточности. Ближайшими преемниками Коссова по мстиславской епископіи, съ титуломъ епископовъ *бѣлорусскихъ*, считаются: *Инатій Оксеновичъ Старушичъ*, скончавшійся въ 1650 году, и Іосифъ Кононовичъ Горбацкій, якобы *скончавшійся въ томъ же 1650 году* (см., наприм., изслѣдованіе проф. Н. И. Петрова: „Кievская Академія во второй половинѣ XVII вѣка“. Кievъ. 1895 г., стр. 13 и 15). Но Оксеновичъ *никогда епископомъ не былъ*; Горбацкій же избранъ на мстиславскую епископію, въ числѣ четырехъ кандидатовъ, *въ конецъ 1649 года*, а королевскую привилегію на нее получилъ 13 января (по новому стилю) *1650 года* (привилегію эту см. въ Московскомъ Архивѣ Министер. Юстиціи, въ *Литовской Метрицѣ*, въ отдѣлѣ Записей Великаго Княжества Литовскаго, № 124, л.л. 261, 262; здѣсь на л.л. 260 об.—261 находится грамота польскаго короля Яна Казимира, датированная тѣмъ же числомъ, къ кievск. митрополиту С. Коссову съ просьбою о посвященіи въ епископы Горбацкаго; копія этой грамоты находится и въ Архивѣ греко-уніат. митроп. при Св. Синодѣ, подъ № ⁵³¹/₇₈₆). Посвященіе Горбацкаго въ епископы состоялось около *1-го іюля 1650 года* въ Кievѣ, надо полагать, при наличности всѣхъ западно-русскихъ іерарховъ (къ этому времени всѣ они прибыли въ

Кіевъ). Посвятивъ Горбацкаго на мстиславскую епископію, митрополитъ предоставилъ ему, въ качествѣ *намѣстника*, управление частью своей обширной епархіи, именно въ областяхъ литовскихъ (см. грамоту объ этомъ, съ *датой 1-го іюля 1650 г.*, въ сборникѣ Московской Синод. Типограф. Библиотеки, подъ № 390, л. 26 об. и слѣд.). Точное обозначение времени кончины І. Горбацкаго—*18 февраля 1653 года*—находится въ универсалѣ его намѣстника Игнатія Іевлевича съ оповѣщеніемъ духовенства объ означенной кончинѣ (копію сего универсала см. въ упомянутомъ сборникѣ Синод. Типогр. библиотеки, на л. 58). *6-го августа 1653 года* въ кафедральной церкви св. Спаса, при моголевскомъ братскомъ монастырѣ, состоялось избраніе кандидатовъ на осиротѣлую мстиславскую кафедру. Избрано было четыре лица: *Іосифъ Нелюбовичъ Тукальскій* (архимандритъ лещинскій, митрополитанскій намѣстникъ въ Велик. княж. литовскомъ и „старши“ виленскаго Свято-Духова монастыря), *Іосифъ Тризна* (кіево-печерскій архимандритъ), *Аверсій Быковский* (намѣстникъ кіево-братскаго монастыря) и *Михаилъ Любельскій* (шляхтичъ), (Актъ избранія, въ двухъ редакціяхъ, см. въ томъ же сборникѣ Моск. Синод. Типограф. Библиотеки, лл. 29 об. и 86 об.). Утвержденія со стороны польскаго правительства кого либо изъ этихъ кандидатовъ долго не было, и только *3-го августа* (по новому стилю) *1661 года* королемъ Яномъ Казиміромъ выдана была привилегія на означенную епископію первому изъ указанныхъ кандидатовъ—*Іосифу Нелюбовичу Тукальскому*. Но еще нѣсколько ранѣ этого—именно, 4-го мая означеннаго года—на *мстиславскую* епископію, съ званіемъ мѣстооблестителя кіевской митрополіи, посвященъ былъ *въ Москву* Меѳодій Фплимоновичъ (Край, составлявшій мстиславскую епархію, былъ въ то время предметомъ спора между Россіей и Польшей). Но Меѳодій, занимая видное положеніе въ Малороссіи, въ свою епархію доступа не имѣлъ: сю управлялъ Тукальскій („Пишусь я и называюсь—читаемъ въ челобитной Меѳодія, поданной государю Алексѣю Михайловичу—... епископъ мстиславскій и оршанскій, а престола своего не имѣю и не знаю“). Тукальскій и послѣ избранія своего на кіевскую митрополію (въ 1663 г.) продолжалъ нѣ-

которое время (подобно С. Коссову) носить титулъ епископа *мстиславскаго* и проч., поручивъ ближайшій надзоръ за епархіею своему намѣстнику въ литовскихъ областяхъ слѣющему архимандриту *Осодостю Василевичу*, который впослѣдствіи (въ 1669 г.) избранъ былъ православными на означенную епархію и получилъ королевскую привилегію. Послѣ смерти Василевича († 1 марта 1678 г.), преемникомъ его на мстиславскую епископію избранъ былъ (въ 1680 г.) „старшій“ виленскаго Свято-Духова монастыря *Климентъ Тризна*, но—несмотря на усиленные хлопоты православныхъ—королевской привилегіи, санкцірующей означенное избраніе, не получилъ. Латино-уніатская партія старалась предоставить означенную кафедру своему кандидату, каковымъ и былъ нашъ *Гедѣонъ Одорскій*.

2) Архивъ Минист. Иностранныхъ Дѣлъ — *Дѣла Магюроскійскія*, годъ 1690, № 64, л.л. 36—42.

3) Монастырей *онуфріевскихъ* извѣстно нѣсколько. Упоминаемый здѣсь есть онуфріевскій *мстиславскій*, основанный въ концѣ XIV стол. княземъ Симеономъ (Лингвинеемъ) Ольгердовичемъ (А. З. Р. т. IV. № 43). Онъ перешелъ во владѣніе уніатовъ въ 1601 г. (А. Ю. и З. Р. т. II, № 9); упроченъ за ними въ 1633 г. (Археогр. сборникъ документовъ, относящихся къ Северо-Зап. Руси, т. I, №№ 138—141; *ibid.* т. II, № 44). Крайне неприглядное положеніе этого монастыря (его запустѣніе) подъ властію уніатовъ констатируется въ *Ливоостъ*, изд. 1644 г., что не только не отрицается, но даже подгвѣрждается *Касіаномъ Саковичемъ*, въ то время уже врагомъ православія, усиливавшимся подорвать значеніе свѣдѣній, сообщаемыхъ составителями *Ливооса* (см. наше изданіе *Ливооса* съ собственноручными замѣтками на немъ Саковича въ Архивѣ Юго-Зап. Россіи, ч. I, т. IX, стр. 365, 367). Въ XV стол. онуфріевскій мстиславскій монастырь былъ закрытъ. Въ настоящее время это—*полюсть онуфріевъ*, могилевск. губерніи, черниковскаго уѣзда, при рѣкѣ Черной Натошѣ.

4) Разумѣется извѣстный походъ Яна Собѣскаго для освобожденія Вѣны, когда имъ одержана была блистательная побѣда ($\frac{2}{12}$ сентября 1683 г.) надъ многочисленными полчищами сул-

тана Магомета IV, предводительствуемыми воинственнымъ ви-
зиремъ Кара-Мустафою.

Въ документѣ, приводимое въ текстѣ мѣсто читается такъ:
„его королевская милость, зная мене по Оломулцу, *совершаю-*
щую тогда въ коллейумѣ тамошнемъ Осолоію“ и проч. Слово
совершающую мы понимаемъ въ смыслѣ *заканчивающую*, потому
что видимъ здѣсь неудачный переводъ польскаго подлинника,
гдѣ, думаемъ, стояло: „*zawierzajacego*“.

б) Разумѣется IX статья, такъ называемаго, *вѣчнаго мира*
между московскимъ государствомъ и Польшею, заключеннаго
^{26 апрѣля}
^{6 мая} 1686-го года (статья эта, независимо отъ изданій при
договорѣ въ полномъ видѣ, печаталась и отдѣльно; см., напр.,
Бантышигъ - Каменскаго „Историческое извѣстіе о возникшей въ
Польшѣ уніи“, изд. 1-с, стр. 142—143; *Чистовича* „Очерки
по исторіи западно-рус. церкви“, ч. II, стр. 41, и др. Означен-
ною статьею обезпечивалась свобода вѣроисповѣданія православ-
нымъ, обитавшимъ въ польскихъ владѣніяхъ, и *киевскому митро-*
политу предоставлялось право рукоплзгланіи епископовъ для епар-
хій: луцкой, галицкой (sic!), перемышльской, львовской и бѣло-
русской.

в) Изъ помѣстій, принадлежавшихъ отцу, Гедeonъ Одор-
скій упоминаетъ о двухъ—*Толочинъ и Одоровкѣ* (см. предисло-
віе къ рукописному Катихизису Г. Одорскаго, хранящемуся въ
библіотекѣ Флоришевой Пустыни). Означенныя помѣстья, нахо-
дившіяся—какъ мы замѣтили въ текстѣ—въ витебскомъ восвод-
ствѣ, въ то время пограничномъ съ московскимъ государствомъ,
лежали на обычномъ пути изъ Москвы въ польскія владѣнія
(при дорогѣ изъ Орши въ Минскъ; о Толочинѣ подробности
см. *Starożytna Polska pod względem histor., geograf. i statyst. M. Balinskiego i T. Lipinskiego*, wydanie drugie *F. Martynowskiego*. t.
IV. str. 581) и въ нихъ заѣзжали иногда къ Даниилу Одорско-
му члены русскаго посольства. Изъ такихъ лицъ Гедeonъ ука-
зываетъ на боярина Бориса Петровича Шереметева и „господъ“
Батурлина и Чаадаева, бывшихъ у Даниила на обратномъ пути
„въ дѣлѣ посольсгва до Кесарскаго Величества“ (см. предисло-

віе къ упомянутому Кѣтихизису Г. Одорскаго; объ установившихся послѣ сего добрыхъ, пріятельскихъ отношеніяхъ между Даніиломъ Одорскимъ и Шереметевымъ см. Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ. *Малороссійскіе подлинныя акты*, 1693 г. авг., № 927). Гедѣонъ въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду посольство великихъ государей Петра и Іоанна Алексѣевичей къ римскому императору въ 1686—1687 гг., когда полномочнымъ посломъ былъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ и въ числѣ свиты посольства, между прочимъ, находились: „ближней столникъ Василій Ивановъ, сынъ Чаадаевъ, и стряпчій Иванъ Степановъ, сынъ Батурлинъ“. (См. „Памятники дипломатическихъ сношеній древней Руси съ державами иностранными“, т. VII, столб. 1—278).—Недвижимую собственность Даніилъ Одорскій, кажется, имѣлъ и въ Вильнѣ; въ перечнѣ домовъ г. Вильны, сдѣланномъ въ 1690 году (слѣдовательно, послѣ переселенія Даніила на жительство въ Кіевъ) на улицѣ Савичъ, между прочимъ, указана: „mała kamienica Odorskiego, teraz wielmożnego imści xiędza Połubińskiego, kanonika Wileńskiego“... (Акты издаваемые Виленскою комис. для разбора древн. актовъ, т. XX, стр. 473).—Дальнѣйшія свѣдѣнія объ имущественной состоятельности Даніила Одорскаго будутъ сообщены ниже въ текстѣ (при упоминаніи объ его духовномъ завѣщаніи). Здѣсь же отмѣтимъ еще, что онъ, по словамъ Гедѣона, „черезъ пять лѣтъ честно, при Бунчуку гетманскомъ, во многихъ походахъ своими власными наклады, безъ жаднаго наданья войскового вѣрнѣ.... царскому пресвѣтлому Величеству“ служилъ (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. *Подлинныя Малорос. акты*, 1693 г. № 928).—О дочеряхъ Даніила Одорскаго упоминанія см. *Ibid.* № 927, 928; *дѣла Малор.* 1690—1697, № 64; о сынѣ—братѣ Гедѣона—единственное упоминаніе находится въ книгѣ Малорос. приказа, хранящейся въ Москов. Архивѣ Минист. Юстиціи подъ № 59, стр. 61).

7) Незадолго до пріѣзда Гедѣона Одорскаго въ Кіевъ,—именно, 19 декабря 1689 года,—изъ Малороссійскаго приказа прислана была кіевскому воеводѣ, отъ имени государей, грамота,

гдѣ говорилось, что „въ прошломъ въ 197 (1688—1689) году приѣхалъ къ Москвѣ воровски изъ Голанскіе земли воръ и богоотступникъ иноземецъ *Квирино Кулманъ* и, на Москвѣ будучи, чинилъ среди многие и свою братью прельщалъ, и за то воровство созженъ... И великіе государи указали: буде изъ зарубежа изъ которыхъ государствъ къ Києву иноземцы изъ начальныхъ людей или изъ мастеровыхъ і иныхъ чиновъ хто приѣдетъ, і тѣхъ приѣзжихъ иноземцевъ вельно спрашивать о всемъ подлинно, і есть ли у нихъ, отколе ѣдетъ, тѣхъ государствъ государей и начальныхъ людей какіе свидѣтельства и пасы и проѣзжіе листы, и тѣ свидѣтельства вельно у нихъ имать и переводить, а распросъ ихъ, останавливать на рубежъ и въ Києвъ до великихъ государей указу, и о томъ ихъ приѣздъ писать вельно... и распросны ихъ рѣчи (отсылать) къ великимъ государемъ къ Москвѣ въ Посольской приказъ“. (Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ. Дѣла Малорос., 1690 г., марта 1-го, № 12, въ связкѣ 82; сравн. *Ibid.* г.г. 1690—1697, связка 85, № 64, л.л. 1—2).

8) Въ подлинникѣ написано *намѣстникъ*; но, очевидно, это невѣрный переводъ слова: *номинатъ*, что явствуетъ изъ сличенія съ другими однородными документами въ разсмотрѣнныхъ нами дѣлахъ

9) О „распросныхъ рѣчахъ“ Одорскаго въ дѣлахъ о немъ упоминается довольно часто, но болѣею частію кратко. Приведемъ эти „рѣчи“ въ обширнѣйшей редакціи, какъ онѣ изложены въ донесеніи кіевского воеводы о приѣздѣ Гедсона въ Києвъ. „А в распросе—читаемъ здѣсь—сказался *намѣстникъ* епископіи повѣту мстиславскаго, монастыря аноеринскаго Гедсонъ Одорскій; тому де третья недѣля по указу королевскаго величества полскаго і по челобитнѣ мстиславской и бѣлорусской шляхты поѣхалъ онъ въ Києвъ къ преосвященному Гедсону, митрополиту киевскому і галицкому і Малыя Росіи, чтобъ онъ, преосвященный Гедсонъ митрополитъ, посветилъ сво намѣстника на епископство мстиславское, а отъ полскихъ і литовскихъ митрополитовъ не святился на епископство для того, что они униаты, і тѣхъ митрополитовъ за православныхъ не имѣють; а мсти-

славская і белоруская епархія належать къ киевской митрополіи; а ево-де, Гедео́на, обрали на епископство белоруская і мстиславская шляхта, мно́гая стари́на, і дали ему письма за своими руками; а былъ онъ въ томъ монастырѣ Онуфріи ігуменомъ года три, і ѣхалъ къ Києву полскими городами—на Могилевъ, на Старой и на Новый Быховы, на Гомель, да на малороссійские города: на Черниговъ, на Козелецъ, а изъ Козельца въ Киевъ; а какъ онъ былъ въ томъ монастырѣ Онуфріи слышелъ, король де полской съ сенаторы въ Варшаве на сейме, а о чемъ сеймъ іскончился, того онъ не вѣдаетъ, а гдѣ турского, і крымского, і цезаря римского въ зборе войска естли, про то не слыхалъ; а отецъ де ево, Гедео́новъ, Даниилъ съ сестрами ево, Гедео́новыми, живетъ въ Києве въ нижнемъ городе тому ныне третьей годъ“. (Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. *Дѣла Малорос.* 1690—1697 г. связка 85, № 64)

¹⁰⁾ Королевскія привилегіи выданы были Одорскому въ Злочевѣ: на епископію—20-го, а на онуфріевскую архимандрію 26 сентября (по новому стилю) 1689 года. Тоговременные переводы на русскій языкъ обѣихъ привилегій, сдѣланные аляповато, находятся въ Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ (См. *Дѣла Малорос.* 1690—1697 г.г., связ. 85, № 64, л.л. 16—23. *Ibid.* 1690 г. марта 1, связ. 82, № 12; но въ послѣднемъ дѣлѣ листы перепутаны и многого недостаетъ). Въ привилегіи на епископію, между прочимъ, говорится: „учинили есмы начало и основаніе для славы Божіей пропѣтанія и разширення, когда отъ престола нашего королевскаго взираемъ на отца Гедео́на Одорскаго..., который и двору нашему вѣдомъ естъ, а наипаче во время Вѣнской войны, и вѣдая, что онъ къ прославлению Божию і къ церкви святой ревностный естъ; а понеже престолъ архиепископій Черниговской і епископій Бѣлоруской Могилевской, по смерти отца Василевича и Воичатцако¹⁾ не имѣетъ пастыря, по совету сенатирей, при насъ будущихъ, по власти нашей королевской, умыслили есмы того отца Одорского поставить совершеннымъ

¹⁾ Администраторъ Бѣлорусской епархіи

въ духовности пастыремъ и правителемъ *архієпископи Черниговской* и епископін Бѣлорусской“...

¹¹⁾ Рѣчь Одорскаго въ разсмотрѣнныхъ нами дѣлахъ сохранилась въ русскомъ переводѣ. *Оффиціальныя* переводчики того времени перелагали документы *буквально, слово за словомъ*, вслѣдствіе чего ихъ переводы выходили, болѣею частію,—какъ мы выразились въ предшествующемъ примѣчаніи,—*алаяноватыя*. Такъ дѣло обстояло съ переводами *документовъ*; но оно обстояло гораздо хуже, когда приходилось переводить произведенія, подобныя указанной брошюрѣ Одорскаго,—т. е. произведенія, уснащенные цвѣтами краснорѣчія и гдѣ мысль искусственно завивалась въ извилистыя формы. Такого сорта переводы представляютъ наборъ словъ, въ которомъ трудно добраться до смысла. Сказанное всецѣло приложимо и къ Рѣчи Одорскаго. Поэтому только въ самыхъ общихъ чертахъ можно уловить ея содержание. Въ началѣ Рѣчи Одорскій благодаритъ короля за предоставленіе ему мстиславской епископіи, причемъ выставляетъ на видъ, что онъ „не былъ за урядомъ святишельскимъ и не искалъ ея“, а принимаетъ сіе высокое званіе „только призваніемъ и соизволеніемъ всевладѣющаго правителя“ (т. е. короля). Дальнѣйшая, болѣе обширная часть Рѣчи есть панегирикъ Яну Собѣскому, причемъ преимущественно прославляется его Вѣнская побѣда надъ турками, когда онъ смирилъ „гордую оттоманскую луну“, уничтожилъ „спну рогатаго азіатскаго змія и сокрушилъ его голову“. чѣмъ стяжилъ себѣ „вѣчную славу и алмазомъ начерталъ свое имя въ безсмертной книгѣ“.

¹²⁾ Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ. *Дѣла Малорос.* 1690 г. марта 1 № 12 (связ. 82). *Ibid.* 1690—1697 г. № 64 (связ. 85).

¹³⁾ Слуцкій архимандритъ Серапіонъ Полховскій, избранный—какъ разъясняется въ его письмѣ—однимъ изъ *четырехъ* кандидатовъ на мстиславскую епископію *12 января 1690 года*, получилъ королевскую привилегію на нес только *30 сентября 1697 года*. Копія этой привилегіи (тоговременная) и переводъ ея на русскій языкъ находятся въ *Архивъ Министер. Иностр. Дѣлъ*. (Дѣла Малороссійскія, 1698 г., сент. 23, № 36, связка

105). Зѣсь упоминается, объ избраніи *четырехъ* кандидатовъ на мстиславскую епископію, перечисляются имѣнія, принадлежащія къ сей епископіи, и обезпечивается свобода дѣйствій Полховскаго по дѣламъ епархіальнымъ (*bez żadney tak Unitow Ritus Graeci, iako у ludu Polskiego przeszkody*)—Въ Кіевъ для посвященія Полховскій прибылъ спустя уже одиннадцать мѣсяцевъ по полученіи королевской привилегіи—*30 августа 1698 года*. Кіевскій воевода, каковымъ былъ тогда бояринъ Петръ Ивановичъ Хованскій, узнавъ о цѣли пріѣзда Полховскаго, заявилъ митрополиту, чтобы „безъ великаго государя указу и благословенія святѣйшаго патріарха (московскаго)“, онъ не посвящалъ Серапіона; но митрополитъ отвѣтилъ, что указы по данному вопросу (не въ частности о Полховскомъ, а вообще о лицахъ, пріѣзжающихъ изъ зарубежа для посвященія) у него имѣются и отъ государя и отъ патріарха.—Посвященіе Полховскаго во епископы состоялось **14 сентября (1698 года)**; „а при томъ освященію были: архиепископъ чернѣговской Дмитрей Туптоловъ (*sic*), и заднепрѣскихъ и киевскихъ монастырей всѣ игумены и и намѣстники, а светили ево, Серафіона, въ печерскомъ монастырѣ, а нѣ въ софійскомъ“ (Свѣдѣнія эти заимствованы изъ выше процитованнаго дѣла).

¹⁴⁾ Кіевскій митрополитъ Гедеонъ Четвертинскій, послѣ заключенія „вѣчнаго мира“ между Россією и Польшею въ 1686 году, энергично старался о приведеніи въ исполненіе упомянутой нами (см. примѣч 5) IX статьи договора. 5 августа *1686 года* гетманъ Мазепа отправилъ въ посольскій приказъ въ Москву „сгасть“, присланныя ему отъ преосвященнаго Гедеона; „а въ тѣхъ статьяхъ при иныхъ дѣлахъ написано: дабы противъ статей постановленныхъ (имѣется въ виду IX статья вѣчнаго мира) епископы, въ королевствѣ полскомъ будучие, с престола, въ статьяхъ именованныхъ, 1 с архимандритами, игумены своими, также и брагства всѣ, сгавропигиями и неставропигиями—Лутцкое, Лвовское, Премышлское, Любелское, Замойское, Виленское 1 Минское, 1 прочая, *безъ всякаго отовору отдали по усуженію того лѣта сами особою своею в престоле митрополитанскомъ святыя Соши преосвященному Гедеону Святополку князю Четвер-*

тинскому, митрополиту киевскому, і дабы привилсемъ королевскимъ отецъ Клементіи Трізна, отъ десяти лѣтъ нареченный епископства, митрополиту отдалъ послушенство въ Кіевѣ“ (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ. Дѣла Малорос 1698 г., сент. 23, № 36).— Гедееону Четвертинскому отъ имени государей велѣно было объявить, что московское правительство всемѣрно будетъ заботиться объ осуществленіи IX статьи договора „которую статью пріинныхъ, по должности тогожъ постановленія, королевское величество польской и Рѣчь Посполитая имѣетъ и на сейме валномъ подтвердить и въ сеймовую констытуцію напечатать, о чемъ и великимъ і полномочнымъ посломъ его царскаго величества, посланнымъ к королевскому величеству, ѣдуци тѣми полскими и литовскими городами, въ которыхъ есть монастыри и церкви благочестивыя грекороссійскіе вѣры, и въ договорѣхъ описаннымъ епископиямъ і архимандритомъ и ігуменомъ и священникомъ и всякого чину въ блаочиніи живущимъ в сторонѣ королевской, велено разюощать и, обнадеживая, с той договорной статьи давать для подлинной вѣдомости списки“ (Ibid).—Хотя, вслѣдствіе фанатизма латино-унатской партіи въ Польшѣ и нѣкогорыхъ другихъ обстоятельствъ, завистѣвшихъ отчасти отъ самихъ православныхъ, приведеніе въ исполненіе упомянутой статьи договора *сильно тормозилось*, тѣмъ не менѣе фактъ достаточно оживившихся сношеній кіевскаго митрополита съ зарубежными православными, за указанное время, (что отмѣчено нами въ текстѣ) сомнѣнію не подлежитъ.

¹⁵⁾ Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ. Дѣла Малорос. 1690 г., № 64, л. 42.

¹⁶⁾ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. Дѣла Малорос. 1696—1697 г., № 64, л. л. 43—44.

¹⁷⁾ Ibid. л. 45.

¹⁸⁾ Ibid. л. 61.

¹⁹⁾ Относительно домогательствъ Гедееона Одорскаго получить посвященіе на мстиславскую епископію въ Кіевѣ, отъ имени государей, гетману Мазепѣ, между прочимъ, сообщалось: „извѣстно учинилось великимъ государямъ, ихъ царскому величеству, по письмамъ изъ Польши резидента Ивана Волкова, что

могилевские жители і вся Русь Бѣлая королевскому величеству бьютъ челомъ и домогаютца себѣ иного епископа (т. е. не Одорскаго), который бы въ православіи былъ воспитанъ и утверждень, чтобъ позволилъ имъ его королевское величество выбрать на ту Бѣлорусскую епископію изъ Луцка или изъ иныхъ мѣстъ изъ архимандритовъ или игуменовъ, во благочестіи крѣпко утвержденныхъ, а къ уни римскаго костела непричтенныхъ; і въ Полской сторонѣ по тому ихъ челобитію на волное обраніе таковаго духовнаго благочестиваго мужа не позволяютъ и привиліи не даютъ, за такими причинами давъ отвѣты: *есть ли кто изъ духовныхъ учинитъ присягу, что быть ему на той епископіи униатомъ и подручныхъ своихъ, будучи на той епископіи, к той же приводитъ уни, тогда таковому и епископомъ въ Могилевѣ быть позволено будеъ, а безъ такие присяги никому епископомъ быть не допускаютъ. И сей вытеупомянутый Одорскій подобно приѣхалъ для поставления въ епископы въ таковомъ съ Полской стороны утверждень, а не по согласному обранію всего на Бѣлой Руси будучаго цѣкорускаго благочестія*“ (Москов. Архивъ Министер. Юстиціи. Дѣла Малорос. Приказа, № кн. 59. См. также Арх. Министер. Иностр. Дѣлъ. Дѣла Малорос. 1690—1697 г.г., № 64, л.л. 48—49).

²⁰⁾ Москов. Арх. Мин. Юстиціи. Дѣла Малорос. Приказа, № кн. 59, гдѣ сообщаются обстоятельныя свѣдѣнія о подметномъ письмѣ относительно гетмана Мазепы. Находящимися въ этой книгѣ документами пользовался Н. И. Костомаровъ при составленіи извѣстной своей монографіи о Мазепѣ. Упоминаетъ онъ кратко и о нашемъ Одорскомъ; но свѣдѣнія его не отличаются опредѣленностію. „Кіевскія воеводы—читаемъ въ монографіи—задержали Одорскаго и взяли у него *какіе-то* листы польскаго и латинскаго письма, которые *почему-то* показались подозрительными“ (Историч. Монографіи, т. XVI стр. 51). Очевидно, почтенному изслѣдователю остались неизвѣстными цитуемая нами дѣла объ Одорскомъ, хранящіяся въ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ

²¹⁾ Москов. Арх. Мин. Юстиціи. Дѣла Малорос. Приказа, № кн. 59.

22) Ibid. на стр. 92—93 находится самое точное обозначение времени кончины Гедео́на Четвертинскаго: „апрѣля 6 числа (1690 г.), въ день недѣльный, *послѣ полденъ*, Гедео́на митрополита не стало“.

23) Арх. Мин. Иностр. Дѣлѣ. *Дѣла Малорос.* 1690 г., № 64.

24) Ibid. столб. 56—74. См. также, въ томъ же Архивѣ *Подлинныя Малорос. дѣла*, № 630 (649).

25) Архивъ Минист. Иностр. Дѣлѣ. *Дѣла Малорос.* 1690 г. № 64.

26) Ibid. См. также, въ томъ же архивѣ *подлин. Малорос. акты*, № 928.

27) Архивъ Мин. Иностр. Дѣлѣ. *Малорос. подлинныя акты*, 1693 г., № 928. Подъ „измѣнникомъ Петрушкою“ разумѣется здѣсь бывший войсковой канцеляристъ Петръ Ивановичъ, помалороссійски Петро Иваненко, носившій кличку *Петрикъ*. Онъ въ 1692 году бѣжалъ въ Запорожскую Сѣчь, возбуждая здѣсь мятежническое движеніе противъ московскаго правительства: взялъ на себя миссію—„освободить малороссійскій народъ отъ московскаго ярма“; затѣмъ отправился въ Крымъ съ цѣлю поднять татарскую орду противъ Москвы, въ чемъ и успѣлъ. Петрикъ надѣлалъ не мало хлопотъ московскому правительству. Подробныя свѣдѣнія о немъ находятся въ монографіи Н. И. Костомарова—„Мазепа“ (Историческія монографіи, т. XVI, стр. 82 и слѣд.)—Отецъ Одорскаго погибъ, надо полагать, во время втораго похода Петрика съ татарами и воровскими казаками, бывшаго въ началѣ 1693 года, *когда непріятельскія полчища достигали до Полтавы*.

28) Арх. Мин. Иностр. Дѣлѣ. *Малорос. подлинныя акты*, 1693 г., № 928.—См. также Ibid. *Дѣла Малорос.* 1690—1697 г.г. № 64, столб. 79—80.

29) Ibid. *Дѣла Малорос.* 1690—1697 г., № 64, столб. 83—84.

30) Ibid. *Малорос. подлинныя акты*, 1693 г., № 929, и *Дѣла Малорос.*, 1690—1697 г., № 64.

³¹⁾ Ibid. *Малорос. подлинныя акты*, 1697 г., № 1110.

³²⁾ Московская Синодал. Библіотека; по каталогу грамотъ № 74 (второго счета).

³³⁾ Архивъ Минист. Иностранныхъ Дѣлъ. *Дѣла Малорос.*, 1693 г., № 39 (связка 93). Изъ этого обширнаго дѣла издано не болѣе двухъ-трехъ документовъ. Остальные доселѣ остаются необнародованными и неиспользованными изслѣдователями; между тѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ весьма важное историческое значеніе (наприм., ревизія виленскаго братства, произведенная, по порученію кievск. митрополита, ректоромъ Кіевской Академіи Іоасафомъ Кроковскимъ; документы, касающіеся избранія послѣдняго на ректуру и т. п.). Большая часть этихъ документовъ приготовлена нами къ изданію.

³⁴⁾ Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ. *Малорос. подлинныя акты* 1693 г., №№ 56, 928 и 927.

³⁵⁾ Ibid. *Дѣла Малорос.* 1690—1697 г.г., № 64.

³⁶⁾ Ibid. *Малорос. подлинныя акты*, 1693 г., № 928 (помѣта на челобитной Гедеона Одорскаго).

³⁷⁾ Ibid. *Малорос. подлинныя акты*, 1693 г. № 927 (помѣта на челобитной Г. Одорскаго).

³⁸⁾ Ibid. *Малорос. подлинныя акты*, 1697 г., № 1110.

³⁹⁾ Москв. Синодальная бібліотека; по каталогу грамотъ № 74 (второго счета). Грамота эта, датированная лѣтомъ отъ мірозданія 7202 (1694), мѣсяцемъ мартомъ (число не выставлено), осталась *не подписанною* патріархомъ, очевидно, вслѣдствіе оказавшейся ненадобности въ ней для Одорскаго, рѣшившаго остаться въ Москвѣ.

⁴⁰⁾ Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ. *Малоросс. подлинныя акты* 1697 г., № 1110. (Челобитная Одорскаго объ отпускѣ его изъ Москвы въ Малороссію) — Въ монументагныхъ трудахъ и изданіяхъ Д. А. Ровинскаго не находится указаній на гравюры, поднесенныя Одорскимъ государямъ (или государю). Впрочемъ, послѣдняя гравюра едва-ли и была издана: Гедеонъ Одорскій въ упомянутой челобитной жалуется на Аѳанасія Трухменскаго

за неисполненіе имъ взятаго заказа (сдѣлать гравюру, прославляющую Азовскую побѣду). „А онъ, Аѳанасій,—читаемъ въ челобитной,—на срокъ, и после сроку, и по се число (23 февр. 1697 г.) того дѣла не сдѣлалъ, и по сей день меня, богомолца твоего, волочить и убытчить и досками мѣдными напрасно владѣть“.

⁴¹⁾ Московская Синодальная Библіотека, по каталогу грамотъ № 92 (втораго счета).—Панегирикъ написанъ на лицевой сторонѣ двухъ склеенныхъ листовъ большаго размѣра и хорошаго достоинства бумаги. Содержаніе его—тройное толкованіе (въ стихахъ) имени *Адріанъ*. Первое толкованіе: *Адріанъ* = *рай данъ*; второе: *Адріанъ* = *я народъ*; третье: *Адріанъ* = *на, дары*. Въ началѣ каждаго толкованія находится взятый изъ Св. Писанія текстъ: предъ первымъ толкованіемъ—изъ 2 главы Бытія: *И насади (Господь) Богъ рай во Едемъ на востоцѣхъ*; передъ вторымъ—изъ Пѣсни пѣсней¹⁾: *Надръ дастъ воню свою, медъ и сотъ подъ языкомъ твоимъ, и благовоніе ризъ твоихъ, яко благоуханіе Ливана*; предъ третьимъ—изъ 2 главы еванг. Матѳея: *И отверзше сокровища своя, принесоша Ему дары*. Каждый изъ этихъ текстовъ и служить основною темою для восхваленій *Адріана*. Для образца приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ перваго отдѣла (т. е. изъ перваго толкованія) панегирика.

В превозданіи сего видимаго вѣка,

Всесилнаго десница ради человѣка,

Насади рай въ Едемѣ, цвѣты украшенныи

На востоцѣ въ пресвѣтломъ мѣстѣ положенныи.

.

Нынѣ рай въ **Адріанѣ** вторыи обрѣтаю,

егда на торжественный вѣнецъ взираю

Зрасныхъ (sic) добродѣтельныхъ цвѣтовъ Адріана,

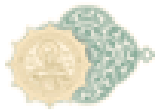
Тебе, Архиастыре, въ даръ отъ Бога дана

Ангела, иже выну предстояще Богу

Творить не престалъ о тебѣ молбу многу.

.

¹⁾ Текстъ взятъ. преимущественно. изъ 4-й главы (сравн. 1-ю).

Воистину, чистъ еси рай: что бо **Адріанъ?**

Расположше словеса, аще ли не рай данъ?

Рай разными цвѣты себе украшаетъ,

Свѣтлымъ востокомъ лице его блистаетъ,

.

Высотю сана, ты Едемъ вознесенный,

Красотою житія, ты рай нареченный.

Егда на источники твоихъ ризъ взираемъ,

Райскія быти рѣки возвѣщаемъ,

Напоющія благочестія воды,

Разсѣянные по всей Россіи народы... и т. д.

42) Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ. *Малорос. подлин. акты.*
1697 г., № 1110.

43) Лѣтопись Самуила Величко. III, стр. 349.

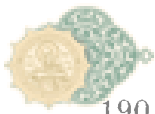
44) Сборникъ Московск. Синодальной Библіотеки, № 393,
л. 176.

45) Ibid. л.л. 180—191. О Бѣлободскомъ есть статья Субботина въ *Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. Отцевъ* за 1862 г.—См также Д. Цвѣтаева: „Литературная борьба съ протестантствомъ въ московскомъ государствѣ“. Москва, 1887. стр. 140—155.

46) Скрибинскій свое соображеніе въ унию относитъ къ 1688 году: „быхъ въ отчужденіи (отъ православія),—говоритъ онъ въ челобитной на имя патріарха (челобитной *не датированной*),—отъ лѣта Господня по воплощеніи Сына Божія 1688 года до *лѣта настоящаго*“; а въ „пунктахъ“, присоединенныхъ къ означенной челобитной, онъ заявляетъ, что „въ Римѣ учителей и исповѣдниковъ имѣлъ *чрезъ осьмь лѣтъ*“ (Сборникъ Московск. Синод. Библ. № 393, л.л. 176—177); слѣдовательно, прибылъ онъ въ Москву не ранѣе второй половины 1696 года.

47) Сборникъ Московск. Синодал. Библіотеки, № 393 л.
185 об.

48) Въ указѣ объ отпускѣ Гедео́на Одо́рскаго изъ Москвы въ Малоросію, между прочимъ, говорится: „велѣтъ ему (Гедео́ну) быть въ малороссійскихъ городѣхъ въ монастырѣ, въ кото-

ромъ пристойно, а тою приказать надѣ нимъ смотрѣть накрѣпко, чтобы онъ, живучи въ томъ монастырѣ, жилъ въ благочестіи православные христіянскіе вѣры постоянно, і с приѣзжими бѣ іс Полской стороны, какъ зѣ духовными, такъ и з мирскими людьми, не знался, і ни о чемъ въ Полскую сторону і ни съ кѣмъ не списывался; а въ Полю и въ Литву і никуды за рубежъ ево, Гедео́на, не отпускать; да и самъ бы онъ, Гедео́нъ въ Полю не уѣхалъ, и тою надѣ нимъ приказать смотрѣть со осторожностью (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. Дѣла Малорос. 1690—1697 г.г. № 64, столб. 107).

С. Голубевъ.

(Продолженіе будетъ).